

1889 — М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН — 1939

Великий русский сатирик

Прошло полвека со дня смерти великого русского писателя, гениального сатирика М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Это был удивительный писатель. Ювенал, Рабле, Свифт, Вольтер — вот имена, рядом с которыми вписано в историю мировой культуры имя Щедрина. Он не уступал им ни в нежности к уродствам жизни, ни в жесткости, ни в убийственном искусстве иронии. Но есть нечто, что отличает его от этих классиков сатирического жанра; отрицая темное, низкое, он всегда утверждал высокое и светлое.

Горячая любовь к родине, глубокая вера в человека — вот чувства, которыми продиктованы Щедриным самые железные, самые жестокие страницы обличения гнусностей современной ему русской действительности, необычайно откровенных человеческих пороков.

Умным и патристичным — вот важнейшие черты Щедрина-сатирика.

«Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где либо, кроме России». Это писал Щедрина. Щедрина, создавший бесмертные сатиры на Россию крепостников («Помпадур и помпалури»), составивший незабываемую историю русского города Гаунова, от первого градоначальника Климентия, Амадея Мануиловича, до последнего двадцать второго — Перехват-Залычанинского, Архистратига Стратигаловича, того самого, который встал в Гаунов на белом коне, сжег гимназию и устроил дактиль. Только клеветники могли утверждать, что «Гаунов» — это сатира на историю России. Не историю страны, а самодержавно-бюрократические порядки в ней бичевал Щедрина во имя великой и самоотверженной любви к родине.

Писарев написал когда-то несправедливую статью о творчестве Щедрина, отгнав его «цветы невинного юмора». Щедрина — это не юмор, это более глубоко другая сторона. Сатира Щедрина — неумолимая и страшная быль в руках демократа и просветителя, соратника Некрасова, Добролюбова и Чернышевского. Сатира Щедрина всегда была политическая остра и целенаправленная.

Сатира Щедрина сохранила для нас величайшее художественное и познавательное значение. Поклонники и почитатели будут по признанию Щедрина знакомы с его творчеством, но не все знают, что сатира Щедрина — это не юмор, это более глубоко другая сторона. Сатира Щедрина — неумолимая и страшная быль в руках демократа и просветителя, соратника Некрасова, Добролюбова и Чернышевского. Сатира Щедрина всегда была политическая остра и целенаправленная.

Сатира Щедрина сохранила для нас величайшее художественное и познавательное значение. Поклонники и почитатели будут по признанию Щедрина знакомы с его творчеством, но не все знают, что сатира Щедрина — это не юмор, это более глубоко другая сторона. Сатира Щедрина — неумолимая и страшная быль в руках демократа и просветителя, соратника Некрасова, Добролюбова и Чернышевского. Сатира Щедрина всегда была политическая остра и целенаправленная.

Сатира Щедрина сохранила для нас величайшее художественное и познавательное значение. Поклонники и почитатели будут по признанию Щедрина знакомы с его творчеством, но не все знают, что сатира Щедрина — это не юмор, это более глубоко другая сторона. Сатира Щедрина — неумолимая и страшная быль в руках демократа и просветителя, соратника Некрасова, Добролюбова и Чернышевского. Сатира Щедрина всегда была политическая остра и целенаправленная.

Сатира Щедрина сохранила для нас величайшее художественное и познавательное значение. Поклонники и почитатели будут по признанию Щедрина знакомы с его творчеством, но не все знают, что сатира Щедрина — это не юмор, это более глубоко другая сторона. Сатира Щедрина — неумолимая и страшная быль в руках демократа и просветителя, соратника Некрасова, Добролюбова и Чернышевского. Сатира Щедрина всегда была политическая остра и целенаправленная.

Сатира Щедрина сохранила для нас величайшее художественное и познавательное значение. Поклонники и почитатели будут по признанию Щедрина знакомы с его творчеством, но не все знают, что сатира Щедрина — это не юмор, это более глубоко другая сторона. Сатира Щедрина — неумолимая и страшная быль в руках демократа и просветителя, соратника Некрасова, Добролюбова и Чернышевского. Сатира Щедрина всегда была политическая остра и целенаправленная.

Сатира Щедрина сохранила для нас величайшее художественное и познавательное значение. Поклонники и почитатели будут по признанию Щедрина знакомы с его творчеством, но не все знают, что сатира Щедрина — это не юмор, это более глубоко другая сторона. Сатира Щедрина — неумолимая и страшная быль в руках демократа и просветителя, соратника Некрасова, Добролюбова и Чернышевского. Сатира Щедрина всегда была политическая остра и целенаправленная.

ЩЕДРИН И РУССКИЙ ТЕАТР

Театр Щедрина. Есть ли такой театр? Театр Гоголя — это том драматических сочинений; театр Островского — это несколько томов оригинальных и переводных комедий, драм и драматических хроник. Но где театр Щедрина?

Одна большая комедия «Смерть Паузына» никогда не появилась на сцене при жизни автора, не включена ни в собрание сочинений; другая большая комедия «Тени» увидела свет рампы единственно раз в единственном спектакле Литературного фонда (1914 год) по случаю 25-летия со дня смерти автора.

В собрании сочинений Щедрина расосеяно немало «драматических очерков» (определение это принадлежит самому Щедрину) на самые различные темы. Так, в «Губернских очерках», в первом же произведении, прославившем Щедрина как сатирика, находим «драматическую» очерк — «Просители». «Выгодная женитьба», «Что такое коммерция». Далее такие же очерки в драматической форме встречаются в «Невинных рассказах», «Сатирах в прозе», в сборнике «За рубежом», в «Современной идиллии», в «Привычках иронии». Но всякий раз, когда один из подобных «драматических очерков» пробирался на театральные подмостки и превращался в пьесу, разыгрываемую актерами, Салтыков хмурым ворчал на беспощадных «театраллицистов» и угрюмо и гневно утверждал, что он не драматург.

Итак, для самого Салтыкова не было названного «театра Щедрина». Существовала выстраданная, грозная, могучая в своем гневе и едкая в своей жесткости, сатирическая литература Щедрина, но драматургия Щедрина Салтыков считал вымыслом «театраллицистов».

Беспощадная творческая требовательность к себе, глубокое чувство суровой ответственности заставляли Салтыкова упорно выкидывать свое имя из истории русского театра. А жизнь, а театр, актер и зритель, не менее упорно, вновь и вновь вносили туда имя Щедрина, ставя его, непосредственно после Гоголя, рядом с именами Сухово-Кобылина и Островского.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина нет, а есть не менее настойчиво ставил его драматический очерк, порочившийся под «сатиры в прозе» и тем самым удостоверял, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Над Салтыковым обманывали один из непреклонных законов литературы и театра: если произведение, написанное в форме романа, повести или пьесы, не имеет драматического действия, то оно не имеет права называться драматургией. Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

М. Е. Салтыков-Щедрина. Портрет работы Н. А. Ярошенко

«Салтыков-Щедрина» — это не юмор, это более глубоко другая сторона. Сатира Щедрина — неумолимая и страшная быль в руках демократа и просветителя, соратника Некрасова, Добролюбова и Чернышевского. Сатира Щедрина всегда была политическая остра и целенаправленная.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Салтыков настойчиво доказывал всем и каждому, что драматург Щедрина существует, как и прозаик-сатирик Щедрина, на поприще общественного зана, на разоблачение всяческих Иудушек и Помпадуров.

Щедрин в репертуаре чтеца

Несколько раз я пытался включить в программы своих литературных вечеров, наряду с Гоголем, Чеховым, Горьким и другими великими русскими классиками, произведения Салтыкова-Щедрина. Но я никак не мог найти стили исполнения, ключа к пониманию и правильному истолкованию его замечательных произведений, блестящих остроумия и сочностью языка, яркостью и меткостью сатирических образов.

В ноябре 1938 г., слушая по радио доклад товарища Сталина о проекте Конституции на Чрезвычайном VIII съезде Советов, я обратил особое внимание на то место, где Иосиф Виссарионович цитирует Салтыкова-Щедрина, и понял, насколько сатира Щедрина современна и злободневна, поныне, какую большую и полезную службу она может сослужить советскому народу и борьбе с капиталистическим окружением и с пережитками капитализма в сознании людей.

Прежде всего я начал работать над «Сказкой о ретивом начальнике», как об одном из самых блестящих произведений Щедрина. Сатирический образ этого самодура-бюрократа, который оторвал от народа своих детей, по поводу которого товарищ Сталина широко цитирует и определенно цитирует.

Слушая этот текст, мне было так обидно, и так грустно, и так больно, как раньше, когда я читал в журнале «Сатира» статью о Щедриновском образе многих произведений Салтыкова-Щедрина.

Работа оказалась чрезвычайно интересной. Чем больше я перечитывал Щедрина, тем все более открывались мне новые и новые глубины, тем больше грустности возникали в преолении поставленных исполнительских задач.

Нужно было передать слушателям остроту политической направленности щедриновской сатиры, вложить в нее все несомненное свободное человека к тому строю, который порождает бюрократов, головорезов, «ретивых начальников».

Постоянно советуясь с крупными литературоведами, специалистами по Щедрину, я провел два года непрерывной работы. В результате к пятидесятилетнему юбилею смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина подготовил сценарий программы, сказки «Либера», «Добродетель и пороки», «Сказка о ретивом начальнике», как об одном из самых блестящих произведений Щедрина, отрывок из «Истории одного рода» (третья глава: опись градоначальника в разное время от высшего и чистейшего поставленного), отрывок из «Невинных рассказов» («Городничья сиротничья»), «Лекционные рассказы» о характеристике Иудушки из романа «Голова Гололопова».

Этот роман считается одним из наиболее значительных произведений Салтыкова-Щедрина. Образ предателя и лицемера Иудушки вошел в литературу и в быт как синоним всего самого подлого и гнусного. Для чтеца и актера этот образ представлял чрезвычайно трудный материал. Голова Гололопова — бывший по общему воле Дикого скупичника поименован прочесть в один вечер.

И рискнул пойти на некоторые творческие трудности: попробовал с помощью композиции дать художественный характеристику злобной фигуры Иудушки. Эта работа много раз переделывалась, и в настоящее время она вполне удовлетворила меня в смысле композиции текста и в смысле исполнения. Это должно притти, вероятно, со временем, точно так же как со временем актер овладевает такими образами мировой литературы и драматургии, как Гартфог, Ричард III, Гордончик, Фаустов и другие.

Жанр художественного чтения литературных произведений очень быстро развивается в нашей стране. Это прямое следствие громадного культурного роста широких масс. Чтецы пропагандируют Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Чехова, Горького и других классиков литературы. Много делают чтецы для пропаганды советской поэзии и прозы.

Беспорно, труднейший жанр художественной литературы — сатира. Читатель должен уметь этому жанру возможно больше внимания, и в этом отношении Салтыков-Щедрин может дать богатейший материал, несомненно по глубине и яркости сатирических образов. В репертуаре чтецов ему должно быть отведено одно из первых и основных мест.

Эммануил МАЙНКА

Московская общественность отмечала вчера 50-летие со дня смерти великого писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. На торжественном приеме в Большом зале Союза советских писателей, Академии наук, Комитетом по делам искусств при СНК СССР, в Колонном зале Дома союзов собрались писатели, ученые, литературоведы, представители фабрик и заводов, студенческая молодежь столицы. Вступительное слово произнес академик А. Н. Толстой.

Доклад на тему «Великий сатирик» прочел профессор В. Я. Кирпотин.

АКТЕР ИЛИ ПРОТЕЙ?

Об актерех Щедрина написано немало. В своих театральных рецензиях — тоже немногочисленных — актерам, как правило, Щедрина посвящает последние абзацы. Но как не похвалить его на обычных, трафаретных «рецензентские абзацы» об исполнителех. Немного иначе, они дают основание судить о театральных привязанностях и вкусах Щедрина, о взглядах великого сатирика на сущность актерского искусства.

Щедрина настойчиво подчеркивал зависимость раскрытия актерского мастерства от уровня репертуара. А уровень этот в те времена (рецензия Щедрина в основном писалась в 60-х годах) был весьма и весьма невысока. Водевиле, правда, отсутствовал под названием более «сильных» пьес, но эта солидность не вводила Щедрина в заблуждение. «Вместо «Булочной» и «Героев преферанса», — пишет он, — с грехом пополам изображавших быструю современность, явились пьесы телевидения, бескультные и змеиные в злуду одну цель: как-нибудь так опешивать потешливую публику, чтоб она сколько можно дольше не могла поправиться. Нет спора, что эти явужно-увеселительные произведения в существе своем столь же легковесны, как и «Герои преферанса», но эта увеселительная легковесность имеет тот неизбежный результат, что она совершенно вытесняет со сцены всех старых, более или менее талантливых актеров».

Кто? Щедрина называет имена водевилейских корифеев — Каратагина (Петра, разумеется) и Григорьева. Однако было бы ошибочно думать, что Щедрина, борясь с «увеселительной легковесностью», противопоставляет ей как идеал традиционную водевилевую легковесность.

«Я понимаю», — пишет Щедрина в корреспонденции «Московские письма» («Современник», 1868 г.), — «трагическое положение актеров. Имевшие возвышенные чувства и трагиче их на «Пасканы»; воспринимать в груди целый океан любви и обращать эту любовь в «Истину!» Ведь это совершенно то же, что иметь огромный капитал и употреблять его на выгнать на песку веревки».

Несколько неожиданно на первый взгляд Щедрина заключает, что чем хуже пьеса, тем более личителю и душой роль, тем лучше для плохих, малодаровитых

актеров. Почему? Щедрина отвечает: «...они могут стараться, они могут гримировать себя, они могут переодеться сколько угодно. Это ничего, что они изображают перед вами не человека, а бирюльки или жиды: в том-то и состоит, по моему мнению, их искусство, чтобы искореняться так, чтобы живое место не осталось и чтобы как можно меньше дать почувствовать зрителю общечеловеческие основы роли. И зритель понимает это; насильственно воспитанный на водевиле с переодетиями, он любит, чтоб ему давали лицо летучую и притом извне, представляя внешнего переодетиями, система, порочившая Щедрина. И ясно, что он обнаруживает не на актерскую мелочу, а на корифеев этой системы».

До сих пор распространено убеждение (чтобы не сказать определеннее: заблуждение), будто мастерство актера в том и состоит, чтобы в каждой новой роли изображаться до неузнаваемости, «исковеркаться» так, чтобы живое место не осталось. В пьесе К. Фина «Пасканы» старший актер Варматов признает талант молодого актера только тогда, когда тот, нацепив бороду, является к нему домой, выйдя себя за врача.

Щедрина последовательно борется с «протезом» на сцене. Опенивая игру актеров Малого театра в скверной пьесе Ф. М. Толстого «Пасканы», он хвалит Садковского за то, что тот и не пытается копировать скверно написанную роль. Так же отнеслось, по словам Щедрина, к своим роли и другие даровитые актеры: «они играют там, где написано: играют, они играют роли там, где написано: играют; они играют роли там, где написано: играют; они играют роли там, где написано: играют».

Иначе отнесся к роли Бурцева «московский протей» Шумский: «Он отнесся к ней посредством локо општого суржуха и отменно сидящих бровь, Залышис эти ми залатками, он сыграл свою роль отлично: он изобразил хорошо одетого мужчину и говорил те самые слова, какие мы слышим в театре. Мало того, он горничный, он увлекатель, очевидно, он принял Бурцева за что-то серьезное. Скажите мне, пожалуста: отчего Г. Шумский так охотно берет за подобные роли, и именно только за подобные роли? Я полагаю, оттого, что он — протей».

Не меньше достается и «петербургскому протезу» Самойлову. «Всем известно», — пишет Щедрина в статье «Петербургские театры» («Современник», 1863 г.), — «что Г. Самойлов — актер великий, но он актер всех стран и времен, а преимущественно всех костюмов. В шатском платье ему не по себе: тесно. Хорошо еще, если это шатское платье представляет собой какой-нибудь старинный покрой фрак (еще лучше, если при этом сапоги с отворотами), сильно попертый по шагам, как например, в давнейшей пьесе «Отставной музыкант и княгиня», — ну, тогда играть можно, ибо старинный костюм есть эмблема старинного человека; следовательно, тут и гримировать себя можно самым искусным образом, и кашлять можно, и плакать чаще, нежели того требует человеческий организм, находящийся в нормальном состоянии».

Даже в «Юроте Лире» Самойлов, по свидетельству Щедрина, играет лишь очень-очень дражного старика и делает это до того убедительно, что зритель и на минуту не может усомниться, что перед ним действительно очень-очень дражного старика. «Но смертных», — продолжает Щедрина, — «простых, бескомпромиссных и нестарых смертных он играет просто не может, потому что это прямо противно его артистической натуре, потому что простой смертный не представляет никакого нужного сунца, за который можно было бы сразу схватиться, потому что простого смертного надобно еще добирать и раскапывать, чтоб добротиться и докопаться до того, что составляет его сущность».

Итак, Щедрина осуждает «протезам» прежде всего за то, что актеры-протезы даже и не стараются раскрыть внутреннюю сущность образа, а обманывают лишь воображением внешней характеристикой.

Доказательством тому, что Щедрина осуждает не Самойлова, но так сказать, «самойловщину», служит хотя бы то, что он отзывается о нем как о «протезе», когда тот приближается к выполнению требований, которые Щедрина предъявляет актерскому искусству. Оценивая игру Самойлова в пьесе Самарина «Перемелется — мука будет», он пишет: «Нам положительно редко случалось видеть на какой бы то ни было сцене игру более умную, изящную и приятную. Главная задача актера — представить цельный образ (иногда даже и помимо воли автора) — была выполнена здесь вполне. Г. Самойлов не позволил себе ни одного ролевого жеста; увидимому, он даже позыбал о том, что актер должен непременно что-то изображать. Он жил на сцене, а не изображал» («Петербургские театры»).

Как же достигается эта «жизнь на сцене»? Ответ на этот вопрос Щедрина дает в уже цитированной выше корреспонденции «Московские письма». «Между актером и зрителем, — пишет он, — должно быть такое же взаимное отношение, как между человеком и человеком. Зритель должен видеть в актере не просто человека, а человека, который живет, который чувствует, который мыслит, который действует. Актер должен быть таким же человеком, как и зритель, и в этом отношении Салтыков-Щедрина может дать богатейший материал, несомненно по глубине и яркости сатирических образов. В репертуаре чтецов ему должно быть отведено одно из первых и основных мест».

Эммануил МАЙНКА

Московская общественность отмечала вчера 50-летие со дня смерти великого писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. На торжественном приеме в Большом зале Союза советских писателей, Академии наук, Комитетом по делам искусств при СНК СССР, в Колонном зале Дома союзов собрались писатели, ученые, литературоведы, представители фабрик и заводов, студенческая молодежь столицы. Вступительное слово произнес академик А. Н. Толстой.

Доклад на тему «Великий сатирик» прочел профессор В. Я. Кирпотин.

Щедрин в репертуаре чтеца

Несколько раз я пытался включить в программы своих литературных вечеров, наряду с Гоголем, Чеховым, Горьким и другими великими русскими классиками, произведения Салтыкова-Щедрина. Но я никак не мог найти стили исполнения, ключа к пониманию и правильному истолкованию его замечательных произведений, блестящих остроумия и сочностью языка, яркостью и меткостью сатирических образов.

В ноябре 1938 г., слушая по радио доклад товарища Сталина о проекте Конституции на Чрезвычайном VIII съезде Советов, я обратил особое внимание на то место, где Иосиф Виссарионович цитирует Салтыкова-Щедрина, и понял, насколько сатира Щедрина современна и злободневна, поныне, какую большую и полезную службу она может сослужить советскому народу и борьбе с капиталистическим окружением и с пережитками капитализма в сознании людей.

Прежде всего я начал работать над «Сказкой о ретивом начальнике», как об одном из самых блестящих произведений Щедрина. Сатирический образ этого самодура-бюрократа, который оторвал от народа своих детей, по поводу которого товарищ Сталина широко цитирует и определенно цитирует.

Слушая этот текст, мне было так обидно, и так грустно, и так больно, как раньше, когда я читал в журнале «Сатира» статью о Щедриновском образе многих произведений Салтыкова-Щедрина.

Работа оказалась чрезвычайно интересной. Чем больше я перечитывал Щедрина, тем все более открывались мне новые и новые глубины, тем больше грустности возникали в преолении поставленных исполнительских задач.

Нужно было передать слушателям остроту политической направленности щедриновской сатиры, вложить в нее все несомненное свободное человека к тому строю, который порождает бюрократов, головорезов, «ретивых начальников».

Постоянно советуясь с крупными литературоведами, специалистами по Щедрину, я провел два года непрерывной работы. В результате к пятидесятилетнему юбилею смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина подготовил сценарий программы, сказки «Либера», «Добродетель и пороки», «Сказка о ретивом начальнике», как об одном из самых блестящих произведений Щедрина, отрывок из «Истории одного рода» (третья глава: опись градоначальника в разное время от высшего и чистейшего поставленного), отрывок из «Невинных рассказов» («Городничья сиротничья»), «Лекционные рассказы» о характеристике Иудушки из романа «Голова Гололопова».

Этот роман считается одним из наиболее значительных произведений Салтыкова-Щедрина. Образ предателя и лицемера Иудушки вошел в литературу и в быт как синоним всего самого подлого и гнусного. Для чтеца и актера этот образ представлял чрезвычайно трудный материал. Голова Гололопова — бывший по общему воле Дикого скупичника поименован прочесть в один вечер.

И рискнул пойти на некоторые творческие трудности: попробовал с помощью композиции дать художественный характеристику злобной фигуры Иудушки. Эта работа много раз переделывалась, и в настоящее время она вполне удовлетворила меня в смысле композиции текста и в смысле исполнения. Это должно притти, вероятно, со временем, точно так же как со временем актер овладевает такими образами мировой литературы и драматургии, как Гартфог, Ричард III, Гордончик, Фаустов и другие.

Жанр художественного чтения литературных произведений очень быстро развивается в нашей стране. Это прямое следствие громадного культурного роста широких масс. Чтецы пропагандируют Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Чехова, Горького и других классиков литературы. Много делают чтецы для пропаганды советской поэзии и прозы.

Беспорно, труднейший жанр художественной литературы — сатира. Читатель должен уметь этому жанру возможно больше внимания, и в этом отношении Салтыков-Щедрин может дать богатейший материал, несомненно по глубине и яркости сатирических образов. В репертуаре чтецов ему должно быть отведено одно из первых и основных мест.

Эммануил МАЙНКА

Московская общественность отмечала вчера 50-летие со дня смерти великого писателя-сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. На торжественном приеме в Большом зале Союза советских писателей, Академии наук, Комитетом по делам искусств при СНК СССР, в Колонном зале Дома союзов собрались писатели, ученые, литературоведы, представители фабрик и заводов, студенческая молодежь столицы. Вступительное слово произнес академик А. Н. Толстой.

Доклад на тему «Великий сатирик» прочел профессор В. Я. Кирпотин.

Иллюстрация художников Курьяникова и Ковалева к повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Помпадур и помпалури»

Иллюстрация художника М. Чернышова к повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Мелочное мнение»